

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-35-40

Илья Владимирович Колодяжный,

старший преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9),

e-mail: ilko73@mail.ru

Жизнь как высокая трагедия: проблема религиозного сознания в публицистике Вадима Кожина

В статье рассматривается религиозный аспект в публицистике деятеля культуры В. В. Кожина. Представлена эволюция взглядов публициста на проблему религиозного сознания. Раскрывается его тезис о религиозном понимании человеческого бытия как трагедии. Данный тезис, как показано в настоящем исследовании, стал основой историософской концепции В. В. Кожина. Особое внимание уделяется суждениям публициста, посвящённым современному религиозному сознанию. В частности, приводится гипотеза В. В. Кожина, объясняющая утрату врождённой веры современными людьми. По его мнению, в структуре человеческого сознания произошли необратимые изменения, которые затрудняют путь современного человека к Богу. Выявляется оригинальность и глубина подхода В. В. Кожина к этой проблеме. Кроме того, в статье ставится вопрос о религиозных взглядах самого В. В. Кожина. Очерчен круг его общения среди православных деятелей. Намечен в основных чертах духовный путь публициста. Делается предположение о взаимосвязи религиозного мироощущения В. В. Кожина и Ф. И. Тютчева. Показано, что его деятельность была направлена на утверждение православных ценностей. В результате данного исследования сделан вывод о том, что В. В. Кожин одним из первых в современной российской публицистике продолжил надолго прерванную ещё со времён Н. М. Карамзина традицию древнерусской историософии, всецело основанной на религиозном восприятии человеческого бытия.

Ключевые слова: публицистика, религиозное сознание, духовный поиск, трагедия, Православие

Введение. Данная тема, ранее ещё не рассматриваемая, как представляется, чрезвычайно важна для понимания мировоззрения и духовного пути В. В. Кожина (1930–2001). Некоторым подступом к этой теме служит статья краснодарского филолога А. В. Тартинова, в которой впервые был поставлен вопрос о роли *трагического* в творческом наследии В. В. Кожина [11].

Проблема религиозного сознания не была для Вадима Валериановича отвлечённым предметом его профессионального интереса и изучения; она, несомненно, затрагивала и его внутреннюю духовную жизнь. И хотя отдельной большой работы, посвящённой этой проблеме, В. В. Кожин не написал, однако по многочисленным и пространственным высказываниям, разбросанным в публицистических статьях, хорошо видно, какое значительное место занимал вопрос религиозного сознания в его размышлениях.

Методология и методы исследования. Гипотезой данного исследования служит предположение, что Кожин одним из первых в современной российской публицистике продолжил традицию древнерусской историософии, основанной на религиозном восприятии человеческого бытия. В качестве метода

мы использовали дискурсивный и сравнительный анализ.

Эмпирической базой для статьи послужили публицистические произведения В. В. Кожина за период 1968–2001 годов.

Результаты исследования и их обсуждение. Впервые В. В. Кожин затронул проблему религиозного сознания в 1968 году в Новгороде на конференции «Тысячелетние корни русской культуры». В своём докладе публицист говорил о необходимости целостного восприятия православной культуры. В частности, он утверждал: «Мы наконец, кажется, уяснили для себя совершенно ясно и неопровержимо, что архитектура древних храмов и живопись икон – это произведения, в которых воплотилось целостное мироощущение народа. <... > Но до сих пор как-то не признано, что подлинная культура и культура именно целостная, воплощающая дух народа, содержится и в том, что можно назвать православной литургией, тем действием, которое совершалось в бережно сохраняемых нами стенах.

Исследователями доказано, что русская православная литургия представляет собой трансформацию древнегреческой трагедии (в особенности пасхальная литургия). <...>

Поэтическая стихия православной литургии оказала громадное воздействие на новую русскую культуру. Достаточно упомянуть о таком гениальном пушкинском произведении, как "Пророк", которое, безусловно, исходит из этой древней культуры и возвращает нас к действию, совершавшемуся в древнерусских храмах, действуя для совершения которого они и были построены, чтобы служить как бы тем телом, в котором осуществляется напряжённая духовная жизнь» [9, с. 141–142].

Некоторые из этих суждений, высказанных по понятным причинам в довольно осторожной форме, стали отправной точкой для дальнейших размышлений В. В. Кожина о религиозном сознании. В частности, связывание православной литургии с древнегреческой трагедией со временем переросло у него в более общую мысль: человеческая жизнь в религиозном восприятии есть высокая трагедия. Эта мысль стала основой кожиновской историософии. Получил продолжение в публицистике В. В. Кожина и другой тезис: связь поэтической стороны православной литургии с русской литературой Нового времени.

Обращением к проблеме религиозного сознания В. В. Кожин обязан прежде всего, на наш взгляд, его учителю М. М. Бахтину [15]. Вадим Валерианович вспоминал, как «ещё в 1960-х годах в Саранске он [Бахтин] в течение нескольких часов, затянувшихся далеко за полночь, говорил мне о Боге и Мироздании, говорил так, что я ушёл в гостиницу в буквальном смысле слова потрясённый и не мог уснуть до утра, пребывая в никогда не испытанном духовном состоянии...» [1, с. 148].

Надо отметить, что В. В. Кожин не был расположен к каким-либо публичным откровениям, касающимся его духовно-религиозных исканий. Кроме приведённого отрывка, известен ещё один случай, когда он счёл возможным упомянуть о своих переживаниях религиозного характера. В работе «Преподобный Иосиф Волоцкий и его время» В. В. Кожин так вспоминает о посещении в 1970-е годы Нило-Сорской пустыни, в которой тогда находился психоневрологический диспансер: «...из монастырских ворот появился человек с ведром в руке. Он шёл и смотрел на нас, но явно сквозь нас. И мелькнула мысль: некогда здесь обитали люди не от мира сего, и ныне – так же, хотя те были выше сего мира, а нынешние, вероятно, ниже... Что-то таилось в этой смутно осознаваемой перекличке. А ведро, по-прежнему глядя в ничто, наполнил ведро и пошёл обратно.

Тогда и мы, повинувшись какому-то зову, опустили на колена и ладонями черпнули воду из Нилова пруда. И глоток её вызвал не испытанный дотоле трепет – будто и впрямь соприкоснулись мы с излучённой здесь когда-то и уже неиссякаемой духовной энергией, которая в те времена без труда (и без всяких "средств информации") достигала расположенных за полтысячи вёрст отсюда Москвы и Новгорода, – о чём свидетельствуют тогдашние события...» [7, с. 27–28].

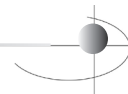
С конца 1970-х годов В. В. Кожина всё больше начинает интересовать проблема современного религиозного сознания. В это время он приступил к работе над биографией Ф. И. Тютчева, который из всех деятелей культуры прошлого оказал, пожалуй, наибольшее воздействие на духовное становление В. В. Кожина. Причём это воздействие не ограничивалось только поэзией: не меньшее влияние имели историческая публицистика и общественная деятельность поэта.

Истоки утраты религиозного сознания публицист видел в XVIII веке, когда на смену веры в Бога пришла вера в прогресс, то есть вера в земное устройство рая. В этой связи представляет особый интерес кожиновский анализ стихотворения Ф. И. Тютчева «Я лютеран люблю богослуженье...», которое, к слову, до сих пор часто трактуется односторонне: или как «критика» лютеранства, или, что реже, как его апология.

Отмечая, что в тютчевские времена лютеранство (и протестанство в целом) в глазах многих православных людей являлось символом безверия, В. В. Кожин пишет, что «подлинная суть стихотворения заключена не в этой вполне элементарной "мысли", но в целостном переживании лирического героя – переживании духовной драмы, даже трагедии людей, стоящих на том пороге, за которым необратимо исчезнет вера, веками являвшая собой незыблемую опору бытия» [10, с. 183].

Эта, по выражению публициста, «всемирно-историческая духовная драма», первые грозные признаки которой уловил и воплотил в поэзии Ф. И. Тютчев, всецело захватила сознание людей XX века. Как показал В. В. Кожин, дело здесь было не во внешних запретах и борьбе с христианством (история знает немало примеров, когда гонения на христиан приводили к обратному результату – к утверждению веры), а в кардинальном перевороте, произошедшем в человеческом самосознании.

Как представляется, публицист дал глубокое и точное, философски обоснованное

объяснение утраты врожденной веры современными людьми. В своей работе, посвященной феномену черносотенства, В. В. Кожинов справедливо указывает на то, что в дореволюционную эпоху большинство людей, чье сознание и деятельность были нераздельны, не воспринимали собственное религиозное сознание как отстраненный «объект», который можно подвергать рациональному анализу. В новейшее время происходит быстрое и повсеместное распространение различных источников информации, отчужденных от людей и их непосредственной деятельности, в результате чего «человек, обретающий преобладающую или хотя бы очень значительную часть “информации” о мире из “специально” созданных для этой цели “объектов” – текстов, изображений, кино- и телеэкранов и т. п. – тем самым обретает возможность и, более того, привычку – как бы необходимость – воспринимать в качестве объекта своё сознание вообще – в том числе религиозное сознание. <...> А превращение своего собственного религиозного сознания в объект неизбежно ведёт к «критическому» отношению к нему (под “критикой” здесь подразумевается не “негативизм”, а, так сказать, аналитизм)» [4, с. 387–388].

Именно поэтому, считал В. В. Кожинов, сегодня истинно верующих, проникнутых религиозным, православным сознанием не очень много. В самом деле, даже если предположить, что в ближайшем будущем вера в прогресс (подменяющая с XVIII в. веру в Бога) будет сильно поколеблена и пользоваться меньшей популярностью (впрочем, для такого предположения пока мало оснований, видя с каким упоением человечество строит потребительский техногенный «рай» на земле), в любом случае, *необратимые* изменения в структуре человеческого сознания крайне затрудняют путь современного человека к Богу.

По мнению публициста, ныне подлинная вера присуща людям, обладающим сильным духовным характером, которые сумели «сохранить в себе изначальную, первородную религиозность, не поддавшуюся «критике» со стороны «отделившегося» сознания, – либо людям наивысшей культуры, которые, пройдя неизбежную стадию «критики», обрели вполне осознанную Веру, – ту, каковая явлена в глубоких размышлениях классиков богословия» [Там же, с. 388–389]. Но такие люди, понятно, составляют меньшинство, большинство же людей оказывается на непростом распутье: с одной стороны, они уже привыкли к рациональной оценке своего сознания, но,

с другой стороны, «для решения на высшем уровне вопроса о бытии Бога и, тем более, о бессмертии их собственных душ, у них нет ни особенного дара, ни высшей развитости разума...» [Там же, с. 389].

Как видим, В. В. Кожинов не был склонен упрощать проблему обретения веры современным человеком, переключаясь в этом вопросе с размышлениями германского философа Романо Гвардини [12]. В то же время он полагал, что за тысячу лет православие в России «глубоко и всесторонне проникло в бытие и самый быт. Оно легло в основу представлений (или, вернее, самого внутреннего переживания) об основных ценностях, определило отношение к природе, к людям и к труду – его смыслу и цели» [6, с. 4]. Эти слова переключаются с его высказыванием из неопубликованной анкеты, хранящейся в домашнем кожиновском архиве: «...в истории России Православие играло, конечно же, громадную, основополагающую роль, и как этическая, нравственная основа определяет и будет определять очень многое в дальнейшем развитии».

При этом В. В. Кожинов вовсе не имел в виду, что «глубокое и всестороннее» проникновение православия в бытие и быт русской жизни освобождает современного человека от обретения веры, от посещения храма. Говоря о том, что все мы должны возвыситься до религии, он считал, что приобщение к ней «должно происходить не в результате чтения современных изданий, пытающихся толковать учение о Боге (ничего, кроме вреда, такие толкования не принесут), – но только в церкви. Только здесь, в храме, происходит непостижимая связь человека с Творцом» [5, с. 15].

Выше уже говорилось, что переживание человеческой жизни как трагедии В. В. Кожинов считал основой религиозного восприятия, одним из ценнейших достояний религии. Это убеждение он не раз высказывал в своей публицистике 1990-х годов. Такому восприятию жизни публицист придавал огромное значение. «Отвергнув понимание жизни как драмы, – писал В. В. Кожинов, – и, в конечном счёте, как трагедии, мы потеряли что-то чрезвычайно существенное, и представление о жизни как о чём-то, могущем стать рациональным и упорядоченным, мне представляется насквозь ложным» [3, с. 279].

По мнению публициста, утрата трагедийного сознания произошла прежде всего из-за отчуждения людей от религии. Сам В. В. Кожинов обладал этим сознанием в высшей

степени. Его взгляд на русскую историю насквозь проникнут пониманием бытия как высокой трагедии. Этот взгляд в известной мере находится в противоречии с современной исторической наукой, объясняющей исторический процесс с точки зрения тех или иных позитивистских, рациональных – и потому неизбежно ограниченных и односторонних – моделей (идеологических, социологических, политических, экономических и др.).

Все переломные, трагические моменты российской истории В. В. Кожинов предлагал осмысливать не как нечто позорное и принижающее человеческое достоинство (именно так до недавнего времени трактовалось наше прошлое некоторыми историками), а, напротив, как свидетельство избранности. Размышляя, например, о российской революции, В. В. Кожинов писал, что «это, конечно же, трагическая, даже предельно трагическая пора в истории России» и там же добавлял: «трагедия и с религиозной, и с философской точки зрения отнюдь не принадлежит к сфере “низменного” и “постыдного”; более того, трагедия есть свидетельство избранности...» [8, с. 986]. Стоит отметить, что философское понимание трагедии и категории трагического сформировалось у В. В. Кожинова под влиянием работ главных представителей немецкой классической философии – Канта [14], Шеллинга [16] и Гегеля [13].

Для полного понимания заявленной проблемы в настоящей статье нельзя не коснуться вопроса о религиозном сознании самого В. В. Кожинова, то есть, иначе говоря, был ли он верующим человеком? Уже упоминалось, что В. В. Кожинов не любил распространяться о своих религиозных воззрениях. В своих неопубликованных ответах на анкету А. П. Николаева Вадим Валерианович пишет, что «личное отношение к религии – это в наше время слишком сокровенная, заветная тема, о которой, на мой взгляд, не следует рассуждать публично». Не покушаясь на всестороннее раскрытие этой действительно заветной темы и тем более на её окончательное «решение», позволим себе высказать здесь несколько соображений.

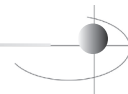
Думается, что ответ на поставленный нами вопрос отчасти дал сам Вадим Валерианович в своих размышлениях о драматической судьбе современного человека, пытающегося обрести веру своих предков. В то же время следует заметить, что вся его деятельность, взятая в целостности и полноте (носившая в том числе практический характер, выражавшийся, например, в защите храмов

от сноса), была направлена на утверждение православных ценностей и определялась православным сознанием. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, с какой проникновенностью и любовью писал В. В. Кожинов о людях святой Руси, начиная от Ярослава Мудрого и митрополита Илариона и завершая Нилом Сорским и Иосифом Волоцким.

Также представляется важным и уместным сказать о религиозных взглядах самых близких В. В. Кожинову людей, прежде всего, конечно, Елены Владимировны Ермиловой-Кожиновой, супруги Вадима Валериановича, которая в 1960-е годы приобщилась к православной вере и с тех пор вела воцерковлённый образ жизни. Глубоко верующим человеком была и многие десятилетия жившая у Кожиновых домработница Анна Петровна Блохина. Похожая атмосфера окружала В. В. Кожинова и в детстве благодаря его бабушкам, одна из которых крестила маленького внука в храме Смоленской Божией Матери на Плющихе. Эта семейная, проникнутая православным духом жизнь, конечно, не могла не воздействовать на сознание В. В. Кожинова. Нельзя здесь не вспомнить и о его глубоком общении с митрополитом Питиримом и отцом Димитрием Дудко, а также с православными писателями Олегом Волковым, Александром Казем-Бекем и Михаилом Лобановым.

Можно предположить, что В. В. Кожинов жил как бы на грани веры и безверия, на той грани, на которой пребывали его любимые поэты – Ф. И. Тютчев и А. А. Фет. В одном из интервью публицист довольно определённо высказался о религиозных взглядах Ф. И. Тютчева, которые, видимо, были близки ему самому: «...второй период тютчевского творчества... <...> ...является как бы отрицанием первого, и в нём действительно как высшие ценности человеческого бытия утверждаются ценности Православия. Именно тогда создаются произведения, ставшие вершиной религиозной лирики, в том числе и несравненное по своему духовно-историческому значению “Эти бедные селенья...”. Сам Тютчев, как известно, жил как раз на самой грани веры и неверия, о чём откровенно говорил: “Я верю, Боже мой! Приди на помощь моему неверью!..”. Но он признал Истину Православия, вне зависимости от всех своих сомнений, как что-то абсолютно высшее...» [2, с. 5].

Оставляя в стороне вопрос о вере в личное бессмертие, можно с уверенностью утверждать, что Вадим Валерианович, несо-

мненно, признавал над собой высшее начало, велениями которого он руководствовался в своей жизни. Доказательством чему является его самозабвенное служение незримому, но самому сокровенному и прекрасному, что есть в русском бытии – святой Руси-России.

Заключение. В основе историософской концепции В. В. Кожина лежал тезис о религиозном понимании человеческого бытия как высокой трагедии. Узловые, переломные моменты российской истории публицист предлагал рассматривать не как нечто позорное и унижительное (такой угол зрения на историю закономерно приводит к отрицанию

своей Родины), а, напротив, как свидетельство избранности, как трагическое проявление сущности человека.

Таким образом, В. В. Кожин одним из первых в современной российской публицистике продолжил надолго прерванную ещё со времён Н. М. Карамзина традицию древнерусской историософии, фундаментом которой служило религиозное восприятие человеческого бытия. В возвращении этого истинного, в основе своей религиозного понимания человеческой истории В. В. Кожин видел свою главную задачу как историка и публициста.

Список литературы

1. Кожин В. В. Бахтин и его читатели: размышления и отчасти воспоминания // Москва. 1993. № 7. С. 143–151.
2. Кожин В. В. Без религиозной основы поэзия невозможна: беседа // Десятина. 1999. № 15–16.
3. Кожин В. В. Великая война России. М.: Эксмо, 2005. 544 с.
4. Кожин В. В. Грех и святость русской истории. М.: Эксмо : Яуза, 2006. 480 с.
5. Кожин В. В. Духовность – понятие широкое // Литературная Россия. 2001. № 5. С. 5.
6. Кожин В. В. Необходимо широкое и глубокое мышление // Советская культура. 1990. № 8. С. 4.
7. Кожин В. В., Кириллин В. М. Обличитель ересей непостыдный. М.: Фонд им. прп. Иосифа Волоцкого, 1999. 176 с.
8. Кожин В. В. Россия. Век XX. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008. 1040 с.
9. Кожин В. В. Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М.: Молодая гвардия, 1990. 252 с.
10. Кожин В. В. Тютчев. М.: Молодая гвардия, 1988. 496 с.
11. Татарин А. В. Суждения В. В. Кожина о трагедии и трагическом в контексте его исторических и литературоведческих взглядов // Наследие В. В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии: II Междунар. науч.-практ. конф. Армавир: АрмГПИ, 2003. Ч. 2. С. 85–94.
12. Guardini R. Das Ende der Neuzeit. Würzburg: Werkbund-Verlag, 1950. 118 p.
13. Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Ästhetik. Werke in 20 Bänden, Band 15. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 578 p.
14. Kant I. Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen. Berlin: Europäischer Literaturvlg, 2017. 88 p.
15. Rzhevsky N. Kozhinov on Bakhtin // New lit. histori. Baltimore, 1994. Vol. 25, № 2. Pp. 429–444.
16. Schelling F. W. J. Philosophie der Kunst. Darmstadt: WBG, 1990. 414 p.

Статья поступила в редакцию 14.08.2017; принята к публикации 12.09.2017

Библиографическое описание статьи

Колодяжный И. В. Жизнь как высокая трагедия: проблема религиозного сознания в публицистике Вадима Кожина // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5. С. 25–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-35-40.

Ilya V. Kolodyazhny,

Senior Lecturer,

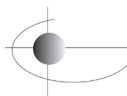
St. Petersburg State University

(7–9 Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034),

e-mail: ilko73@mail.ru

Life as a High Tragedy: the Problem of Religious Consciousness in Social and Political Journalism of Vadim Kozhinov

The article deals with the religious aspect in V. Kozhinov's social and political journalism. The evolution of the publicist's views on religious consciousness is shown. His thesis about the religious understanding of human existence as a tragedy is presented. According to our study, this thesis became the basis for V. Kozhinov's historiosophical concept. Special attention is given to the publicist's judgments devoted to modern religious consciousness. In particular, we present V. Kozhinov's hypothesis explaining congenital loss of faith by modern people. According to him, there are irreversible changes that impede the path of modern man to God in the structure

of human consciousness. We reveal the originality and depth of V. Kozhinov's approach to this problem. In addition, the article raises the question of V. Kozhinov's religious views. His communication with Orthodox leaders is shown. The main features of the publicist's spiritual path are outlined. The assumption is made about the relationship between V. Kozhinov's and F. Tyutchev's religious attitude. It is shown that his activities are focused on the assertion of orthodox values. The conclusion can be drawn that V. Kozhinov was one of the first in modern Russian journalism who continued a tradition of old Russian historiosophy entirely based on the religious perception of the human being which had been interrupted from N. Karamzin's time.

Keywords: social and political journalism, religious thought, spiritual search, tragedy, orthodoxy

References

1. Kozhinov V. V. Bakhtin i ego chitateli: razmyshleniya i otchasti vospominaniya // Moskva. 1993. № 7. S. 143–151.
2. Kozhinov V. V. Bez religioznoi osnovy poeziya nevozmozhna: beseda // Desyatina. 1999. № 15–16.
3. Kozhinov V. V. Velikaya voyna Rossii. M.: Eksmo, 2005. 544 s.
4. Kozhinov V. V. Grekh i svyatost' russkoi istorii. M.: Eksmo: Yauza, 2006. 480 s.
5. Kozhinov V. V. Dukhovnost' – ponyatie shirokoe // Literaturnaya Rossiya. 2001. № 5. S. 5.
6. Kozhinov V. V. Neobkhodimo shirokoe i glubokoe myshlenie // Sovetskaya kul'tura. 1990. № 8. S. 4.
7. Kozhinov V. V., Kirillin V. M. Oblichitel' eresei nepostydnyi. M.: Fond im. prp. Iosifa Volotskogo, 1999. 176 s.
8. Kozhinov V. V. Rossiya. Vek XX. M.: Algoritm: Eksmo, 2008. 1040 s.
9. Kozhinov V. V. Sud'ba Rossii: vchera, segodnya, zavtra. M.: Molodaya gvardiya, 1990. 252 s.
10. Kozhinov V. V. Tyutchev. M.: Molodaya gvardiya, 1988. 496 s.
11. Tatarinov A. V. Suzhdeniya V. V. Kozhina o tragedii i tragicheskom v kontekste ego istoricheskikh i literaturovedcheskikh vzglyadov // Nasledie V. V. Kozhina i aktual'nye problemy kritiki, literaturovedeniya, istorii, filosofii: II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Armavir: ArmGPI, 2003. Ch. 2. S. 85–94.
12. Guardini R. Das Ende der Neuzeit. Würzburg: Werkbund-Verlag, 1950. 118 p.
13. Hegel G. W. F. Vorlesungen über die Ästhetik. Werke in 20 Bänden, Band 15. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 578 p.
14. Kant I. Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen. Berlin: Europäischer Literaturvlg, 2017. 88 p.
15. Rzhnevsky N. Kozhinov on Bakhtin // New lit. histori. Baltimore, 1994. Vol. 25, № 2. Pp. 429–444.
16. Schelling F. W. J. Philosophie der Kunst. Darmstadt: WBG, 1990. 414 p.

Received: August 14, 2017; accepted for publication September 12, 2017

Reference to the article

Kolodyazhny I. V. Life as a High Tragedy: the Problem of Religious Consciousness in Social and Political Journalism of Vadim Kozhinov // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 5. Pp. 35–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-35-40.